

Политический курс первых лет царствования Фёдора Ивановича (1584–1598) отличался мудростью и взвешенностью. Россия не могла продолжать упрямое наступление против коалиции сильных соседей, столь дорого стоившее ей при государе Иване Васильевиче. Полки и финансы страны были растрочены без пользы. Ливонская война кончилась поражением и потерей собственно-русских областей на Новгородчине. Ныне следовало защитить то, что ещё оставалось под рукой, накопить силы для возобновления масштабной борьбы в будущем. И правительство возобновило старинную стратегию, несколько ослабевшую в государственном обиходе на закате царствования Ивана IV, — стратегию закрепления русских позиций строительством крепостей.

Новые укрепления возводились повсюду и везде. И там, где ждали наступления врага, и там, где политические интересы России требовали её собственного наступления. В первом случае спешно возведённые «городки» выполняли функцию опорных пунктов оборонительной линии. Во втором — баз для стремления вперёд. В обеих ситуациях новые крепости играли роль «русских островов» посреди «неприятного» окружения. Борис Фёдорович Годунов — вельможа, первенствующий при дворе Фёдора Ивановича, — хорошенько усвоит этот курс и продолжит его, когда сам станет государем.

Стратегией «наступления городами» русское правительство пользовалось и в Сибири.

В исторической литературе — главным образом популярного и публицистического характера — бытует миф, согласно которому русские прорвались в Сибирь при Иване Грозном. Более сдержанный вариант того же: «начали завоевание Сибири» или, чуть осторожнее: «освоение», «присоединение» Сибири. Но в действительности ничего подобного не произошло.

Ермак, нанятый купцами и промышленниками Строгановыми, одержал ряд блистательных побед над сибирскими татарами, занял столицу ханства и тогда уже получил поддержку из Москвы. Однако вся его экспедиция закончилась разгромом отряда и гибелью самого вождя. В нашей историографии, особенно советского периода, Ермака превозносили как «народного героя». Да, он стоит в одном ряду с величайшими колониальными воителями, с тем же Кортесом, например.

Карамзин сказал о нём: «Российский Пизарро, не менее испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества». От подавляющего большинства русских полководцев XVI века Ермак отличается происхождением: московские воеводы вышли из аристократической среды, в худшем случае, из видных дворян, а «сибирский конкистадор» — из казаков. Для советского же времени, когда оценивалась та или иная историческая личность, «демократическое» происхождение играло роль положительного фактора...

Однако нельзя обходить молчанием один простой факт: военное предприятие Ермака в конечном итоге сорвалось. И завоевание Сибири как успех, как одно из главных достижений русского народа за всю его историю, начато было не им. И до Ермака — в XIV, XV и XVI столетиях русские воинские люди бывали в Сибири, брали там ясаки, проповедовали Христову веру. На какое-то время сибирские татары оказывались даже в вассальной зависимости от Москвы, притом задолго до Ермака. Но все эти временные достижения не принесли России никакой пользы, помимо репутации сильного и упорного противника. Совершенно так же и Ермак, попытавшись закрепиться, привести бескрайнюю землю сибирскую под руку московских государей, нисколько не преуспел. На протяжении нескольких лет казачий богатырь играл роль потрясателя Сибири. Он вышел в поход при Иване IV, пережил грозного царя и погиб уже при Фёдоре Ивановиче. Саваном для его тела стали воды реки Иртыш.

Русское дело в Сибири пало. Хан сибирских татар Кучум и иные местные правители воспрянули духом. Незначительные силы, оставшиеся в Сибири, отходили, оставив неприятелю города и земли.

И вот тогда люди с негромкими именами, люди, не называемые на страницах учебников, повели новое планомерное наступление на Сибирь. Это наступление русских отразилось в некоторых летописных памятниках как начало государственного присоединения сибирских земель.

Так, например, в «Новом летописце» сказано, что в царствование Фёдора Ивановича «...посылаху многия воеводы в Сибирскую землю... к Сибирскому царствию розныя языки (народы. — Д.В.) подведоша и многие грады поставиша в Сибири: град Тару, Березов, Сургут иныя многие грады»¹. Английский представитель по торговым и дипломатическим делам Джером Горсей подробно рассказывает о венчании Фёдора Ивановича на царство 31 мая 1584 года. Затем, по его описанию, царь с царицей и большой свитой совершают богомолье в Троице-Сергиевом монастыре и возвращаются в Москву. «Вскоре после этого, — пишет Горсей, — царь, направляемый князем Борисом Фёдоровичем (Годуновым. — Д.В.), послал войско в Сибирь, откуда шли все богатые меха и соболи. В течение полутора лет войско завоевало 1000 миль»².

Успех огромный, фантастический! Слова Горсея об исключительно быстром продвижении московских отрядов в Западной Сибири на протяжении 1580–1590-х годов, подтверждаются фактами.

Но кто были те «незаметные», — во всяком случае, для историографии советского периода — полководцы, которые совершили колоссальный военно-политический труд? Под их командой небольшие отряды двигались на восток, по незнаемым рекам, по землям, ещё несколько лет назад являвшимся одной огромной terra

¹Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14, ч. 1. С. 43.

²Горсей Дж. Заметки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 147.

incognita. Под их командой велись боевые действия. Под их командой строились остроги, из которых впоследствии выросли мегаполисы. Что же это за люди?

Все это были дворяне из семейств более или менее известных при Государевом дворе, но не знаменитых и не относящихся к служилой аристократии. На протяжении всего XVI столетия в Сибирь ни разу не отправили по-настоящему знатного человека. Нет, русская аристократия того времени отнюдь не состояла из трусов или просто нерешительных людей. Князья и бояре выходили в поле или становились на крепостные стены, когда требовалось встретить грудью крымцев, ногайцев, шведов. Но... колоссальная Сибирь при Фёдоре Ивановиче, да и позднее, — при Борисе Годунове, а также в эпоху Смуты, — ещё только начинала открывать России свой потенциал. О ней в Москве имели весьма смутное представление. А удаление в эдакую даль означало обрыв связей с Государевым двором, утрату влияния на великие державные дела. Поэтому аристократ не торопился стать русским конкистадором. Для него служба «за Камнем» была непрестижной, да и просто неудобной в карьерном отношении.

В Сибирь отправляли на командные должности дворян или, как тогда говорили, «служилых людей по отечеству». Чаще всего кадры сибирских воевод рекрутировались либо из числа служильцев невысокой знатности, либо из тех, кто попал в опалу, крепко провинившись перед властью.

Первого действительного успеха в Сибири после страшного разгрома Ермака добился Иван Алексеевич Мансуров — провинциальный «выборный сын боярский»³. Встав во главе маленького отряда, он срубил «Обский городок» (на Оби против устья Иртыша). Здесь Мансуров отбил от наседавшего неприятеля — воинственных остяков, и уничтожил языческого идола удачным выстрелом из пушки⁴. Именно этот человек с куда более скромной биографией, нежели Ермак Тимофеевич, сделал дело как надо — дал русским силам новую веру в успех на просторах Сибири.

Большого Мансуров совершить не мог из-за крайнего малолюдства отряда, находившегося у него в подчинении. В распоряжении Ивана Алексеевича находилось всего «сто человек ратных» и небольшое число казаков во главе с атаманом Матвеем Мещеряком⁵.

Что представлял собой «выборный сын боярский» по тем временам? Он отнюдь не являлся сыном боярина. Так называли относительно невысокий чин на служебной лестнице Московского государства. «Выборные дети боярские» стояли чуть выше огромной массы рядового провинциального дворянства — «городовых детей боярских». Главное отличие состояло в том, что служильцам «по выбору» время от времени приходилось проходить службу не в провинции, а в столице. Они проводили в Москве четырёхмесячное «дежурство» и сменялись другими «выборными». Для высшей знати московской — князей Шуйских, Мстиславских, Воротынских, Трубецких — человек с таким чином был просто незаметен. Он никто, его не стоит принимать в расчёт. А вот Годуновы, не столь знатные, но вставшие на важные правительственные посты благодаря тому, что им посчастливилось выдать Ирину Фёдоровну Годунову замуж за государя Фё-

³Мещовский помещик.

⁴Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 256–257.

⁵Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349; Строгановская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 40.

дора Ивановича, таких людей замечали... И давали «худородным» служильцам «именные службы». Иначе говоря, ставили задачи, в результате решения которых имя исполнителя оставалось в «разрядных» книгах, что повышало статус его рода.

Вослед Мансурову пошли воеводы Василий Борисович Сукин (явно старший среди начальствующих лиц), Иван Никитич Мясной, а с ними «письменный голова» Даниил Данилович Чулков⁶.

Тульский помещик, «выборный сын боярский» И.Н. Мясной должен был считаться опытным военачальником: он хаживал в походы, возвысившись до чина воинского головы, он даже сидел в Орле вторым воеводой. А Орёл тогда был форпостом России на степном юге. Город играл роль опорного пункта в постоянной вооружённой борьбе с набегами крымских ханов. Иными словами, Иван Никитич получил практический навык командирской работы на высоких постах, притом на переднем краю обороны. Этот — уже чуть выше Мансурова. На Москве таких как он — сотни. Но всё же не тысячи: с громадной массой провинциального дворянства ни Мансуров, ни Мясной не сливаются.

Д.Д. Чулков — другой туляк, также служивший «по выбору».

Сукины имели более высокий статус. При Иване Грозном это семейство поднялось высоко. «Родословной» фамилией Сукины не были, но «думные» чины получали неоднократно. Один из них, дядя Василия Борисовича, Фёдор Иванович, даже удостоился боярского чина⁷. А отец В.Б. Сукина, Борис Иванович, имел должность печатника (хранителя печати). И прославились Сукины не на военном поприще, а на «дворовой» (придворной) и дипломатической службе. Б.И. Сукину удалось выдать дочь за князя Д.Б. Приимкова-Ростовского. Он также приходился шурином влиятельным дьякам братьям Щелкаловым. А Фёдор Иванович породнился с могучим боярским родом Захарьиных-Юрьевых. Иначе говоря, для Москвы конца XVI века В.Б. Сукин был фигурой на порядок более заметной, нежели казачий атаман Ермак.

Василий Борисович, кстати, ещё при Иване IV получил «дворовый» чин стряпчего. Во второй половине 1580-х годов, после своей сибирской «одиссеи», он дослужился до чина «московского дворянина», а затем, не позднее 1604 года, стал думным дворянином⁸, т. е. достиг высокого служебного статуса — заметно выше, чем у того же И.А. Мансурова.

Удивительно другое: отправка в Сибирь — явный признак опалы для представителя такого семейства. У власти постепенно укреплялся клан Годуновых, а с ними Сукины союзничали ещё при Иване Грозном⁹. В чём же дело?

Очевидно, все они — и Сукин, и Мясной с Чулковым — оказались в дальних краях, во главе русских войск, шедших против сибирских татар, из-за опалы. Под опалу они могли попасть, ввязавшись в острую политическую борьбу при дворе.

---

⁶Письменным головой Чулкова именуют лишь Есиповская и Ремезовская летописи. Прочие летописи покаывают его самостоятельным воеводой, что, по всей видимости, ошибка. — Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 226, 227; Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349. Впрочем, возможно, Д.Д. Чулков был произведён из письменных голов в воеводы Тюмени после того, как В.Б. Сукин и И.Н. Мясной были отозваны в Москву.

⁷Пожалован в 1561 году. — Кобрин В.Б. *Опричнина. Генеалогия. Антропонимика*. М., 2008. С. 131.

⁸Граля И. *Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI века*. М.: Радик, 1994. С. 374–375.

⁹Павлов А.П. *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове*. СПб., 1992. С. 66, 113–115.

Возможно, все трое оказались под ударом, когда из Москвы выводили «худородных выдвиненцев» прежнего монарха. В первые два года правления Фёдора Ивановича служилая знать «выдавила» с высоких постов почти всех неродовитых дворян, в нарушение традиций поднятых Иваном Грозным к верхнему ярусу власти. Убирали как дельных людей, так и пустых карьеристов, казнокрадов, мздоимцев. Им крепко напомнили: продвижение по службе зависит, в первую очередь, от «отечества», т. е. принадлежности к определенному семейству; и если семейство это недостаточно родовито, его представитель может лишиться любого карьерного достижения в любой момент. Даже союзничества с Годуновыми В.Б. Сукину не хватило, чтобы избежать отстранения от «дворовой» службы. Или, быть может, он попытался играть какую-то самостоятельную роль, не войдя, хотя бы на первых порах, в «команду» Годунова... Совершенно ясно, что геройство на сибирских просторах оказалось для них своего рода искуплением, платой за право вернуться назад и продолжить службу в столичных условиях. Как минимум, В.Б. Сукину это удалось.

Сукин и Мясной, имея лишь три сотни бойцов, воздвигли острог, из которого поднялась Тюмень. В 1586 году на реке Тюменке, притоке Туры, была построена эта деревянная крепостица и в ней храм — первая из русских православных церквей Сибири. От острожка и храма сейчас ничего не осталось, впрочем, как и ото всех наших рубленых крепостей XVI столетия. Но именно из этого истока вытекает полноводная река исторических судеб полумиллионной Тюмени¹⁰. Московское государство вновь получило в Сибири надёжный форпост. Зацепившись за него, легче было продвигаться дальше. Фактически, стремительное, неостановимое движение русских отрядов по сибирским равнинам началось именно с Тюмени. Она сыграла роль ворот на «сибирское эльдорадо», через которые с запада, с земель коренной Руси, хлынули стрельцы, казаки, дворяне, священники, «торговые люди» и, позже всех, крестьяне.

Д.Д. Чулков, получив под команду 500 ратников (по масштабам слабозаселенной Сибири — солидная сила!), основал крепость Тобольск (1587), поставил там Спасскую и Троицкую церкви, разбил и пленил татарского правителя Сеид-хана (Сейдяка)¹¹. Потом, через много лет, Тобольск станет столицей Сибири, обзаведётся мощным каменным кремлем... А изначально это было такое же маленькое, на скорую руку рубленное укрепление, как и многие другие опорные пункты России тех времён, поставленные на опаснейших направлениях.

Что ж, трое опальных дворян, выполняя правительственную волю, заложили основу для необратимого движения русских отрядов к Тихому океану, для завоевания Сибири, расселения там русских людей и распространения христианства. Честь им и слава.

Российское государство тогда строило очень много, невероятно много. Новые крепости поднимались в Поволжье, в степях южнее Оки, укреплялся Смоленск, возникали острожки по берегам Белого моря, началось возведение грандиозной цитадели на Соловках. Москва дважды «подпоясалась» — Белым городом и Зем-

¹⁰Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 226; Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349.

¹¹Строгановская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 42–43; Есиповская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 227–230; Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 349.

ляным. Иной раз приходилось возводить стены весьма быстро и вскоре драться с жестоким неприятелем за новое укрепление.

В Сибири шёл тот же самый процесс, что и по всей стране, только меньшей кровью и с меньшими расходами. Область, подчинённая московскому государю, расширялась стремительно, росла год от года. Столь внушительного результата достигли, упорно следуя стратегии «наступления городами». В 1590-х строится Лозьва, Пелым (на месте более древнего селения), Тара, Обдорск, Нарым, Верхотурье, Сургут... Враждебные России правители пелымские и кондинские были разбиты, земли эти оказались под монаршей рукой Фёдора Ивановича.

Хотелось бы подчеркнуть: те двадцать с небольшим лет, когда царствовали Фёдор Иванович и Борис Фёдорович, стали временем огромных успехов России в Сибири. Если взглянуть на карту Западной Сибири, дух захватывает, сколь велика пространственная дистанция от Тюмени до Сургута! Между тем дистанция хронологическая ничтожна — менее десятилетия... Движение «встречь солнцу» шло в ту пору стремительными темпами.

И произошло это при тихом, богомольном царе Фёдоре Ивановиче. Без «широковещательных» и «многошумящих» манифестаций, коими столь богато предыдущее царствование.